

ЧАСТЬ I

“Когда Мио исчез”

1

Воскресенье

В кошмарных снах меня всегда хоронили живо. Каждый раз. Сперва я не понимал, что произойдет. Безмолвные люди крепко держали меня за руки, заставляли идти вперед. Не медленно, не быстро. Ночь, небо черное. Воздух жаркий, густой. Мы шагали вроде как по заброшенной промзоне. Очертания огромных темных машин высились вокруг, словно тени, отлитые в железе. Я хотел спросить, где мы и куда идем. Но кляп не позволял говорить. Царапал изнутри щеки и нёбо, впивался в уголки рта. Натирал язык, как шершавая тряпка. И с ногами было как-то не так. Их связали веревкой, из-за чего я мог делать только короткие шаги. И делал их куда больше, чем мои стражи. Это меня пугало.

Как часто пугается взрослый человек? В общем-то редко, считанные разы. Ведь по-настоящему нас пугают очень немногие вещи. Мы знаем, что почти все разрешается само собой, что на мелочи не стоит обращать внимание. Сущий подарок — перерасти вечные детские страхи, научиться видеть перспективу происходящего. Одно плохо — избавление от страхов несет с со-

бой болезненное осознание того, чего на самом деле стоит страшиться.

Утраты близких и любимых.

Утраты собственного здоровья или жизни.

И, в редких случаях, боли или муки.

Пока я то шел сам, то меня тащили по заброшенной промзоне, я знал, что умру. Вот это в кошмарах, кстати, очень интересно. Почти всегда нам известно, как все кончится. Потому что на уровне подсознания мы догадываемся, почему нам это снится. Знаем, какие конкретные события и опыт вызывают у нас те или иные реакции, и отчасти именно эти события и питают страх. Память имеет почти безграничную власть над нашими мыслями.

Кошмары начали мучить меня сразу после того, как мне вернули Беллу. После нашей поездки в Техас. Во сне я одновременно пытался и сопротивляться, и проснуться. И ни единого разу не преуспел. Кошмар продолжался, а я ничего не мог поделать. Безмолвные люди в черном двигались неумолимо, как морской прилив и отлив. Я жевал кляп, пытался издать хоть какой-то звук. Не получалось. Никто не желал сказать, куда меня везут. Никто не желал сказать, что я сделал.

В конце концов я все-таки понял. Начал узнавать обстановку. Понял, что за машины вокруг и что они некогда делали с нашей землей. Я бывал здесь раньше. И никогда не собирался сюда возвращаться. Я начал кричать и упираться. Но мужчины волокли меня дальше. Я висел на их руках, мои стопы и икры скребли по земле. Джинсы порвались, мне стало больно.

Все это время я пытался кричать. Даже когда мы стояли у вырытой заранее ямы. Хотел попросить прощения, рассказать, что все было ужасным несчастным

случаем. Но не мог издать ни единого членораздельного звука. И вот тогда разрыдался. Хрипло, горячо, мучительно. Дрожал всем телом, молил о пощаде. Никто не слушал. Меня толкнули в яму. Она была глубокая, метра два, не меньше. Я упал на живот, почувствовал, как что-то сломалось. Ребро? Или два ребра? Левое легкое горело, я невольно попробовал перевернуться.

А они тем временем взялись за лопаты и начали сыпать на меня землю и песок. Методично, в полной тишине хоронили меня заживо. Ни на миг не останавливались. Ни когда я стал на колени, ни когда поднялся на ноги. Руки у меня были связаны за спиной, и я знал, что выбраться не смогу. Просто стоял и безмолвно кричал, меж тем как страх завладевал остатками рассудка. Я встречал смерть стоя. Когда земля дошла до подбородка, глаза уже заволокло искристым туманом.

Просыпался я, только когда земля накрывала меня с головой.

— Что тебе снится, Мартин?

Мы завтракали, и Люси пыталась поймать мой взгляд над столом. Много ночей подряд она видела, как я обливаюсь потом. Я не ответил, и она продолжила:

— Такое впечатление, что сон все время один и тот же. Так?

— Я не помню. Что тут странного, если после всего, что нам довелось пережить, мне снится черт-те что?

После всего, что нам довелось пережить. Ложь, но Люси не могла этого знать. У моих снов был единственный источник — Техас. Об этом я молчал.

Я отпил кофе и обжегся:

— Ч-черт.

Люси все смотрела на меня.

— Ты мечешься в постели, — тихо сказала она. — Кричишь.

Я отставил кружку с кофе.

— Вот как. И что же я кричу?

Спросил я главным образом потому, что она ждала от меня каких-то слов.

— “Я знаю, где он”. Ты кричишь: “Я знаю, где он”. Но ты ведь не знаешь?

На миг время замерло.

— Мартин, ты ведь не знаешь? Не знаешь, где Мио?

Я опомнился, покачал головой:

— Конечно, не знаю.

Завтрак закончился в молчании. Я думал о том, что секреты — полная чепуха. Можно похоронить их как угодно глубоко; рано или поздно они все равно вылезут на поверхность. Особенно если по доброй воле возвращаешься на место преступления.

Люси думала, я кричал, что знаю, где Мио. Но только я один знал, о чем на самом деле говорил. О ком говорил.

“Я знаю, где он”.

Ну да, это я знал. Но тот, о ком я говорил, не имел к Мио ни малейшего касательства.

Или имел?

2

Живые и мертвые. До чего же острая грань их разделяет. Болезненная, пугающая. Когда навалились кошмары, я уже вконец выбился из сил. Еще бы — меня безвинно подозревали в двух убийствах, я совершил безумное блиц-путешествие в Техас, потом лишился дочки, но вскоре ее вернули. У меня не было отчетливого ощущения, насколько безотлагательно задание разыскать Мио. Сказать по правде, меня это и не волновало. На первых порах. По Библии, Господь сотворил землю за шесть дней. В день седьмой Он отдыхал. Мы поступили наоборот. Шесть дней мы с Люси отдыхали. А потом взялись за работу. В воскресенье.

— С чего начнешь? — спросила Люси.

Хороший вопрос.

— Попробую снабдить его лицом. И наведуясь на то место, где он исчез, в детский сад.

Я понятия не имел, как выглядит Мио. Высокий он для своих лет или, наоборот, маленький? Толстый или худой? Длинноволосый или с короткой стрижкой?

Меня раздражало, что я так долго оставлял без внимания отсутствие фотографий. А ведь ни разу и нигде мне не попадалось фото мальчика. Ни в материалах предварительного расследования, ни в газетах, ни в интернете. Раньше у меня были хорошие контакты с полицией, я мог легко получить ответ на вопрос, куда, черт возьми, подевались все фотографии Мио (если они вообще существовали). Но теперь эти контакты — дело прошлое. Да и незачем возбуждать любопытство полиции, их ведь наверняка заинтересует, для чего мне понадобилась фотография Мио.

Но у кого, если не считать полиции, могла быть фотография Мио? У него есть бабушка. И тетя. Жанетта и Марион. Я решил связаться с обеими. Ни та, ни другая не перезвонила. Шли часы. Ну и хрен с ними. Будто у меня нет других важных дел, которыми надо заняться. Например, съездить туда, где последний раз видели Мио.

Машина с ревом рванула с места. Мой распрекрасный “порше-911”. Пахнувший кожей, точь-в-точь как когда был совсем новый. В остальном новизны поубавилось. Шикарные автомобили не дружат с маленькими детьми. Белла старалась, как могла, но ее следы все равно обнаруживались повсюду. Хотя главная проблема вряд ли в Белле. Просто после всего случившегося сидеть за рулем этой машины было не очень приятно. По возвращении из Техаса я попросил парней Бориса — ну, того мафиозного босса — хорошенько осмотреть автомобиль, и они нашли так называемый жучок, следящее устройство, которое полиция установила в машине, чтобы держать под контролем мои передвижения. Не мешало устроить моим противникам веселую жизнь, и Борисовы парни переставили жучок

на какой-то доставочный фургон. Мои новые маршруты наверняка заставят многих полицейских поломать голову.

Уже перевалило за полдень, и первым делом я забрал Беллу. А потом поехал на юг. Белла провела день у бабушки, у моей мамы Марианны, и явно повеселела, когда поняла, что домой мы поедем не сразу. Взгляд ее горел энтузиазмом. Порой ее короткая память ужасно меня пугала. Как она могла вселиться? Всего неделя прошла после смерти ее деда и бабушки в пожаре и после ее похищения. Ей бы, наверно, следовало быть вне себя от... ну, не знаю... от горя, страха, тревоги? Похищению я не придавал большого значения. Она находилась у похитителя меньше сорока восьми часов и, вероятно, большей частью спала, накачанная успокоительным. Об этом она, естественно, ничегошеньки не помнила. Но деда и бабушку помнила и временами спрашивала о них. Так что должна бы о них горевать. И тосковать. Вот как думал я, взрослый человек.

Белла смотрела на все по-другому. Я объяснил ей, что бабушка с дедом уехали и никогда не вернутся. Но Белле всего-навсего четыре года. Она не понимает, что такое “никогда”. Не понимает, что некоторые вещи и состояния бесконечны.

“Они умерли, — сказал я. — Как и твои мама и папа”.

Белла кивнула, очень деловито и без сантиментов. Она знает, что ее родители погибли в авиакатастрофе, когда она была совсем маленькая. Знает, что я не настоящий ее папа, а брат ее мамы. Но это не означает, что она понимает смысл моих слов. Она не понимает, что, если б моя сестра и зять остались живы, у нее была бы, вероятно, совершенно другая жизнь. Жизнь

с любящими родителями, которые всегда рядом, обожают устраивать барбекю, проводить лето в домике на Эланде, кататься на лыжах зимой, а на выходные брать напрокат фильмы. Обыкновенные люди с обыкновенной жизнью и заботами. Они бы приглашали на обед другие семьи с детьми и наверняка подарили ей братишек и сестреночек.

Я припарковал машину в нескольких кварталах от того места, куда мы направлялись.

— Тут мы выйдем, — сказал я и помог Белле выбраться из машины.

Пока мы шли по тротуару, я держал ее за руку. Она вправду похожа на свою маму. Раньше я не задумывался об этом, но так оно и есть. Чисто внешне Белла — копия своей матери.

— Куда мы идем? — спросила она.

— Пройдемся мимо одного детского садика, — ответил я.

Мимо детского садика Мио. Мимо “Трольгордена”. Но об этом я умолчал.

Вообще-то я мог бы съездить сюда до того, как забрал Беллу, а не после. Но решил взять ее с собой. Так лучше. Многие не доверяют одиноким мужчинам, шныряющим под вечер возле детского сада. Особенно если они выглядят, как я. Темнокожие и высокие. В Швеции цвет кожи что угодно перевесит. Не имеет ни малейшего значения, что на мне дорогушая рубашка и ботинки ручной работы из Милана. При виде меня любой швед первым делом думает не об успехе, а о проблемах.

На игровой площадке детского сада резвились детишки, но их было немного. Пожалуй, игровых площадок тут поблизости вообще раз, два и обчелся. Так

что здешняя пригождалась и в воскресный день. Солнце по-прежнему стояло довольно высоко. Еще можно порадоваться лету. Во всяком случае, если у тебя есть время. У меня его не было.

Белла с интересом смотрела на детей.

— Мы с ними поиграем? — спросила она и шагнула в их сторону.

Я машинально сжал ее ручку.

— Нет. Мы просто пройдем мимо.

Если Белла не понимала, что означает гибель родителей, то уж точно не могла понять, какой смысл прогуливаться мимо веселой детской площадки и не заходить туда. Не участвовать в играх.

— Почему? — спросила она.

Голос у нее изменился. Из радостного стал недовольным и обиженным. Как в апреле резкие скачки от солнца к снегу.

— Потому что дети на площадке нам незнакомы.

Я был доволен своим ответом. Белла как будто бы тоже, потому что замолчала.

Когда мы подошли к калитке детского сада, я чуть замедлил шаг. Не настолько, чтобы остановиться, но достаточно, чтобы внимательно присмотреться. Фотографировать нельзя. Если мне нужны фотографии, придется заехать попозже еще раз.

Вот здесь он исчез, думал я.

Но как, черт побери?

Дети не исчезают. Их теряют взрослые, которые плохо за ними присматривают. Я прочел полицейские протоколы, связанные с исчезновением Мио. Воспитатели детского сада рассказывали о самом обычном дне. Утром приемные родители привели Мио в садик. Мальчик хлюпал носом и казался усталым, но по-

сле обеда повеселел. Ровно в два всех детишек одели и вывели гулять. Часом позже им дали полдник, прямо на воздухе, хотя стояла осень и день выдался холодный, но солнечный, погожий и дети так хорошо играли. Как сказала одна из воспитательниц, все было тихо-спокойно.

Возможно, в том-то все и дело. Что было тихо-спокойно. Вероятно, поэтому персонал расслабился. Настолько, что никто не заметил, как один из малышей исчез. Всполошились, только когда за ним пришла приемная мама. К тому времени солнце уже село, и никто знать не знал, что случилось.

Я обвел взглядом двор. Его окружала стальная ограда высотой не меньше семидесяти сантиметров. Вдобавок перед нею тянулась живая изгородь, правда не сплошная. Взрослый, который хотел перешагнуть через ограду, легко мог это сделать, не вламываясь в кусты. Но четырехлетний ребенок? Вряд ли.

Я искал слабые места — дырку в ограде, участок, где ограда вообще отсутствует. Ничего такого не видно. В тот последний раз, когда покинул детский сад, Мио наверняка вышел через калитку. Или кто-то взрослый перенес его через ограду.

Белла шла нога за ногу. Сандалии шаркали по асфальту, ведь ноги она толком не поднимала. Еще несколько минут — и она задаст мне жару. Это у нее уж точно не от мамы. Сестра не умела перечить, не умела настоять на своем. Невмоготу мне было видеть, как она покорно склоняется перед окружающими людьми. Перед начальником, перед мужем, перед коллегами. Передо мной.

— Я хочу домой, — сказала Белла.

— Сейчас поедem, — сказал я.

Один из мальчишек на площадке заметил меня. Наморщив лоб, подозрительно уставился на нас с Беллой во все глаза.

Мне действовало на нервы, что за мной наблюдают, пусть даже наблюдатель — маленький ребенок. Я крепче взял Беллу за руку и сказал:

— Все, едем домой, приготовим спагетти с мясным соусом.

Мы повернули обратно, к машине. Я помог Белле пристегнуть ремень и сел за руль. Круто развернул “порше” и в последний раз миновал детский сад. Белла смотрела на ребяташек, игравших возле качелей, но не говорила ни слова. Она вообще болтает не так уж много. Знает, что от этого толку мало, что таким манером она своего не добьется.

“Тролльгорден” расположен во Флемингсберге¹. Я выехал на Худдингевеген и взял курс на север, к центру.

— Кушать хочу, — сказала Белла, когда мы нырнули в Южный туннель.

Я бросил взгляд на часы. Нет, она не проголодалась. Просто заскучала.

— Скоро приедем, — ответил я.

Лето, воскресный день. Автомобилей на улицах почти нет. Пульс королевской столицы изрядно замедлился.

Но, как говорится, ягодки были еще впереди. Случилось это у перехода перед “Галереей”, торговым центром на Хамнгатан. По встречной полосе ехал грузовик. У перехода ждала старая дама. Я нажал на педаль тормоза.

1 Флемингсберг — южное предместье Стокгольма.

Безрезультатно.

Еще раз нажал на тормоз, скорее с удивлением, чем с испугом. Педаль заклинило. Дама уже шагнула на зебру.

— Ах ты черт.

Отчаянно сигналив, я давил на окаянную педаль.

И думал:

Вот здесь я второй раз убью человека?